

Топольный пух

повесть

Елена ЯБЛОНСКАЯ

г. Черноголовка, Московская область

1

В «Одноклассниках» появился новый Гость. «Вашу страницу посетил Александр Петрушкевич1», — извещала служба сайта. Несмотря на зачем-то прилепившуюся к фамилии единицу, сомнений быть не могло. Невнятное изображение плотного дядьки, небрежно опирающегося на капот иномарки (какой именно — тоже не было видно), безусловно, принадлежало Сашке Петрушкевичу, Таниному однокурснику. И если бы просто однокурснику! Тридцать лет назад была любовь. У Тани — первая, и у Сашки, наверно, первая, хоть он и намекал на какой-то будто бы имевшийся в этой сфере опыт.

Любовь возникла с первых же сентябрьских дней, а в середине второго курса подруги спрашивали Таню: «А почему вы не женитесь?» Таня не знала, что ответить. Конечно, они бы поженились, если бы... Если б Сашка вместо сидения на лекциях и семинарах не играл бы дни и ночи в преферанс, не дружил бы с фарцовщиком Серёгой Лапиным, не спускал бы мгновенно и неизвестно куда родительские переводы. Впрочем, очень даже известно — в преферанс играли на деньги, а стипендию он, в отличие от Тани, всегда вытягивающей без троек, перестал получать после первой же сессии.

— Таня! — вернул её из давних лет ворчливый голос свекрови. — Что-то мне нехорошо... Смерь давление!

Давление было для ее возраста нормальное: сто сорок на восемьдесят. «Как у космонавта», — подумала Таня. Свекровь, однако, отступать не собиралась:

— А почему мне так плохо? Ты, милая моя, даже давление смерить не можешь! И как только тебя в институте держат? Ты же

безрукая! Руки из задницы растут! Только ради покойного Владимира Савельевича... Без нас ты, милая моя, давно бы уже...

Придумывать, что бы такое Таня делала «без них», свекрови было лень. Занимался погожий осенний день — бабье лето.

— Это магнитная буря, — решила свекровь. — Поди купи мне «ЗОЖ», последнюю... Смотри, чтоб не как на прошлой неделе — старую принесла!

— «ЗОЖ» — это здоровье и... что ещё? — спросила Таня из прихожей.

Из комнаты донеслось возмущённое:

— Здоровый образ жизни! Я старуха — и то помню! У тебя голова на плечах есть?! И как тебя ещё с работы не выгнали!.. Только благодаря Владимиру Савельевичу держат... Куда пошла?! Стой! Телевизор мне включи, может, скажут...

— Но вот же пульт, Раиса Васильевна. И зачем вы эти глупости слушаете? У вас только потому и болит, что они внушают специально, чтобы пенсионеров поскорей извести, — и выскользнула на улицу.

В голове продолжал звучать монолог свекрови, но как только мягкое сентябрьское солнце коснулось Таниных щёк, «бранчливые ямбы» Раисы Васильевны сами собой умолкли. Представший мысленному Таниному взору старинный ленточный магнитофон теперь издавал одно шипение: лента соскользнула с бабины и крутилась, и извивалась, и билась о серую пластмассу «мага» то блестящей коричневой, то матовой, более светлой стороной... Как же этот «маг» назывался? Не вспомнить. Да какая разница?..

Конечно, они бы с Сашкой поженились, если бы... Если б Сашка не тяготился учёбой в их химико-технологическом вузе, не тосковал бы по Ленинградской военно-медицинской академии, куда, по его словам, успешно сдал вступительные, но был завёрнут медкомиссией из-за давления. Сашка всегда был плотным юношей. «Ему бы давление Раисы Васильевны», — подумала Таня и улыбнулась нелепой мысли.

«Наверно, из Сашки получился бы хороший доктор», — думала Таня. Он всегда очень ловко и с большим удовольствием мазал ей горло люголем. У неё часто случались ангины. А в походе,

когда Володька Новицкий нечаянно тяпнул себя топором по руке... К счастью, не сильно, задел только. Господи, кровящи-то было!.. Они с Люськой чуть сознание не потеряли. Один Сашка не растерялся: промыл, прижёт водкой, перевязал... Они, идиоты этикие, ничего аптечного в поход не взяли, зато водки — восемь бутылок, по числу походных дней. Слава богу, у Люськи хоть марля нашлась, а то Сашка уж собрался майку разрывать...

«Как можно было не взять хотя бы йода или зелёнки! Всё-таки правильно Раиса Васильевна говорит, что я безалаберная...» — Таня вернулась в настоящее, вспомнила, за чем шла, и повернула к газетному киоску. Последнего «ЗОЖа» не оказалось. Она поколебалась и пошла к автостанции, хотя надежды на тамошний киоск почти не было — воскресенье. Дачницы, такие же, как свекровь, помешанные на своём здоровье бабки, небось давно всё раскупили.

Перед глазами выплывала из прошлого картина, как она, такая тоненькая, в короткой, тесной в груди курточке (и немудрено — с восьмого класса!) и купленных у Серёги Лапина джинсах (единственные джинсы она носила «в хвост и в гриву» — зимой и летом, и в институт, и в театр, и в поход), с хвостиком на затылке, подвязанным чёрной аптечной резинкой, зажав в кулачке очень серьёзную по тем временам сумму (две розовые десятки и синюю пятирублёвку), писклявым голоском умоляет продавщицу: «Будьте добры! Мне восемь бутылок водки! Пожалуйста!» Размашистое солнце — середина апреля — отражается от водочных и винных бутылок. А продавщица, грубая бабища, не обращает никакого внимания на торчащую перед самым её носом Таню, потому что целиком поглощена расчётами с мужиком в распахнутом ватнике и сбитой на затылок шапке-ушанке чёрного каракуля. По прилавку звенят медяки, дядька — по его красной, взопревшей физиономии струится пот — роется в карманах, взывает к товарищу: «Анатолий! Подойди, не хватает...» Анатолий отрывается от стенки и, отталкивая Таню, протискивается к прилавку. Их третий товарищ, худой, лохматый человек в грязном бежевом пальто с двойными застёжками и петлями шнурком, как на

гусарских «венгерках», продолжает подпирать стену гастронома и обжигает оглянувшуюся Таню хищной улыбкой, неожиданно белозубой на его потёртом, скуластом лице. Продавщица, сильно притукнув, выставляет бутылку портвейна и поворачивается к следующему клиенту, тоже с медяками. Таню, зажавшую в потном кулаке состояние — двадцать пять рублей, — почему-то никто не видит и не слышит. «Ну, чего тут?» — подходит Люська, закупавшая в бакалейном отделе макароны, и ситуация мгновенно меняется: «Что вам, девочки, миленькие? «Столичную»? Пожалуйста...» Они запихивают бутылки в болоньевый мешок и крупночестую авоську...

Только вышли из гастронома, из притормозившего «Москвича» с Анатолием за рулём вылез человек в «венгерке», цепко оглядев, пропустил Люську — и к Тане: «Девушка, на закуску не хватает! Пятнадцать копеек, сырок «Дружба», сделайте милость...» Таня испуганно шарахнулась. «Эх вы! Всего пятнадцать копеек! Людям закусить нечем...» — возмущается вслед, выглядывая из машины, хорошо одетый, в щегольской кожаной куртке Анатолий. «Нам ещё за тушёнкой, давай скорей!» — торопит Люська. Верёвочная авоська ржет ладонь. Солнце слепит глаза. По чисто умытому Кутузовскому проспекту пробегают редкие «жигулёнки», «Волги» и «Москвичи», вдали покачиваются «рога» троллейбуса. Нет, никаких «рогов» в переливчатой двоящейся синеве ещё не видно, но Таня за километр отличает троллейбус от автобуса по мягкой, спокойной осадке.

Господи, неужели это было? Семьдесят седьмой год! Из Москвы они везли тушёнку в жёлтых замазанных банках, опоясанных плохо приклеенной бумажной этикеткой, чаще всего с украинским наименованием продукта: «Яловична» (говорили, что это армейские запасы, направляемые в торговую сеть по мере того, как выходил срок годности), а кильку в томате покупали в Загорске...

2

На автостанции Таня поздоровалась с Одилией Николаевной, приятельницей свек-

рови и бывшей соседкой по даче. Одилия, или Диля, как её звала свекровь, стояла в небольшой, плотной, хорошо организованной очереди суровых старух и двух-трёх дедов, вооружённых вёдрами, тяпками и прочим дачным инвентарём.

— Как твоя? — мрачно спросила Одилия.

— По-прежнему. Такой день славный, а она на давление жалуется...

— Да что у ней за болезнь-то?

— Подагра, кажется, или артрит... Ноги, в общем, не встаёт почти.

— Что, уже до «утки» дошло?

— Нет-нет! — испугалась Таня. — В туалет — сама, и в ванну мыться, и даже на балкон выходит, если погода хорошая... Да вы бы зашли, Одилия Николаевна! Или хоть позвоните! Она скучает...

— Ладно, позвоню, — сдержанно кивнула Одилия и полезла в подъехавший автобус. Таня осталась на остановке, прислонилась к столбу с расписанием, подставила лицо солнцу...

...На втором курсе Сашка о медицине уже не помышлял. Часто говорил мечтательно: «Лучше бы я в Плехановский поступил... Вот где люди настоящими делами занимаются!» Она не понимала: «Какие у них могут быть дела? Скучная бухгалтерия». В «Плешке» преподавала экономику сельского хозяйства тётя Неля, называвшая себя «тупой доцент», однокурсница Таниных родителей по Тимирязевке. Как-то Таня предложила Сашке попробовать: «Хочешь, я тётю Нелю попрошу, скажет кому надо, чтоб тебя не сильно гоняли...» Он отмахнулся: «Ты что?! Знаешь, какой там блат нужен! Куда твоей тёте Неле! А не поступлю — меня сразу в армию загребут! Отсюда-то документы придётся забрать...» Кстати, называли ли тогда Плехановский институт «Плешкой»? Таня думала-думала, да так и не вспомнила. Спросить не у кого — тётя Неля умерла много лет назад, а с её детьми Таня постепенно потеряла связь...

Разумеется, «ЗОЖа» на автостанции тоже нет.

— А что-нибудь вроде, чтоб про магнитную обстановку?..

Продавщица киоска сразу поняла и не удивилась:

— Возьмите «Лечебник», там и гороскоп, и всё...

— А я такую за десять рублей видела! В Моск-

ве, на лотке, — спорит с киоскёршей горбоносая женщина с дворницкой метлой, в оранжевой робе и платке до бровей. Она говорит почти без акцента.

— Так то на развале... Пятьдесят, меньше не могу!

— А раньше...

— Да когда раньше-то, уважаемая?! Ты ещё Советский Союз вспомни! Тогда и по рублю книжки были...

— И-и-и, милая моя! При советской власти разве стала бы я у вас улицы мести? Мы дома сидели да детей воспитывали!

— Ну, бери за двадцать, — растроганная киоскёрша протягивает в окно мятую книжонку в яркой обложке.

«Милая моя!» — Таня вспомнила о свекрови и поспешила домой.

...Когда Сашки уже не было — он бросил институт в середине третьего курса — сдавали экономикку социализма. Июнь, жара, у них в общежитии, не дождавшись конца сессии, затеяли ремонт, отключили горячую воду, тётя Нелино семейство на даче... Тане с Люськой разрешено было пожить в квартире на Профсоюзной. По опустевшим комнатам бродил тополиный пух, а они с утра до ночи до одурения читали учебник по «социализму» то про себя, то вслух друг другу. Вечером приезжала тётя Неля, ещё больше, чем они, измотанная сессией, доставала из сумки свёртки: «Девчонки, антрекоты возьмите, в кулинарию заскочила... Поджарить сумеете? Что? Пельмени? И мне отварите, а это пока в морозилку...» — и обессиленно валилась в кресло. «Да, пожалуйста, Нинель Вениаминовна, — ответила языкастая Люська, — только знаете, Минздрав предупреждает!»

Кажется, именно тогда, насмешив тётю Нелю Минздравом, они и подступили к ней с вопросами. Мол, читаем-читаем, ничего не понимаем, объясните... «У вас есть учебник?» — они с Люськой с готовностью протянули сразу два и конспект лекций, этот у них был один на двоих. Тётя Неля погрузилась в чтение учебника. Наконец, подняв голову, с некоторым удивлением сказала: «Да, всё правильно». Люська откинула на дуршлаг пельмени. «Мы, когда капитализм сдавали, всё понятно было... Пятёрки получили! А теперь вот... читаем-чи-

таем...» — торопливо говорила Таня, Люська кивала. «Так то капитализм! Наука!» — уважительно произнесла тётя Неля, продолжая читать.левой рукой она держала учебник, а правой шарил по столу, нащупывая вилку. Конечно, она всё им объяснила и, должно быть, очень толково объяснила, потому что «социализм» они тоже сдали на пять. И почему-то запомнилось на всю жизнь — горячий июньский день на юго-западе Москвы, витающий за окном тополиный пух, серый картон разорванной пачки из-под пельменей... Таня попыталась вспомнить, как выглядел учебник по «социализму», но ничего не получилось, а пачка пельменей так и стояла перед глазами...

Свекровь немного, больше для проформы, поворчала и, нацепив очки, занялась «Лечебником». Таня на цыпочках пробралась в свою комнатку, к компьютеру. С первых же дней их с Олегом совместной жизни в этой самой угловой десятиметровке Раиса Васильевна не уставала напоминать: «Твоего, милая моя, тут ничего нет! Помни, мы тебя из общежития взяли! И на работу — только из уважения к Владимиру Савельевичу...»

Вошла в «Одноклассники», написала: «Саша, здравствуй! Это я, Таня Петринская. Я тебя узнала». И задумалась: «Узнал ли он? Или случайно зашёл на мою страницу, но не понял, что это я?» В «Одноклассниках» она Крюкина, по мужу. «А если узнал, знает ли, что я вышла замуж за Олега?»

Они все учились на одном курсе, но в разных группах. Олег тоже жил в общежитии, но не с самого начала учёбы, как они с Люськой, Сашкой и другими «дальними» иногородними, а только с третьего курса, да и то на каждые выходные уезжал домой, в подмосковную Курослеповку. Сашка вполне мог не помнить его. За Таней Олег начал ухаживать лишь на четвёртом курсе, после того как Сашка бросил институт и исчез — то ли его действительно, несмотря на давление, забрали в армию, то ли уехал к родителям на Украину...

— Татьяна, где ты? И что за шрифт! Не вижу ничего, подай мне лупу, — позвала свекровь, и Таня, нечаянно нажав на «мышь», побежала на зов.

Письмо Сашке ушло недописанным: «Я тебя

узнала...» Лупа лежала на тумбочке у изголовья Раисы Васильевны, где и всегда. Таня подала лупу и собиралась ретироваться, но свекровь захотела чаю. Она принесла то, что Раиса Васильевна называла «моим чаем» — воду с размешанным в ней вареньем. Варенья оказалось больше, чем любила свекровь — «Ты же знаешь, что у меня сахар повышен!» Пришлось вылить и намешивать заново. Потом Раиса Васильевна потребовала внеурочного мытья полов — «Я задыхаюсь!» Она подозревала у себя начинающую астму. После полов вдруг выяснилось, что уже пора готовить обед, потом Таня бегала в булочную, потому что «бородинский» засох, а белый хлеб свекровь не ест из-за холестерина...

Когда выходила из булочной, оказавшийся рядом с Таней пожилой, простецкого вида мужчина пожаловался:

— Одни узбеки, мать их, или армяне... в какой магазин ни зайдёшь...

Разморенная тёплыми, почти летними, полуденными бликами сентября, Таня миролюбиво заметила:

— Мы с вами русские.

— Но мы же не в магазине!

— А вот потому, что мы с вами не пошли работать в магазин, там одни узбеки и армяне.

Дядька задумался, засмеялся, мотнул головой и пошёл своей дорогой.

3

Когда Тане наконец удалось добраться до компьютера, в «Одноклассниках» висело письмо от Сашки: «Конечно, Таня, я тебя узнал. Очень рад, что помнишь меня. Как я понял, ты живёшь в Подмоскowie, работаешь в науке. Здорово! А я оказался в Тульской области, 10 лет проработал инженером на химкомбинате, теперь занимаюсь бизнесом. У меня дочь (23 года), в следующем году заканчивает мединститут. А твой сын учится или работает?»

Она поняла, что о сыне Митьке Сашка узнал по фотографиям. В «Одноклассниках» она поместила много Митькиных фоток, а своих — только две или три, где, как ей казалось, она выглядит лучше, моложе. Таня быстро просмотрела снимки. Да, вот они с Митькой на от-

дыхе в Крыму девять лет назад, а на третьем, самом крупном изображении, вывешенном в качестве основного, они втроём на балконе, вихрастый десятиклассник Митька, кот Тимофей и она. Фотографировал Олег, и было это тринадцать лет назад. Конец мая, а через два с половиной месяца они с Олегом развелись. Писать или не писать Сашке об Олеге? Решила: раз сам не спрашивает, писать не буду.

«Дорогой Саша! — набирала Таня. — Моему сыну Дмитрию двадцать девять лет, он работает в Москве (по специальности, окончил мехмат МГУ). Живёт тоже в Москве, снимает квартиру со своей девушкой. Настя работает в той же фирме, что и Митя. Рада, что у тебя всё хорошо. Значит, ты всё-таки окончил наш институт? В следующем году приезжай на встречу выпускников. Мы теперь собираемся каждый год в последнее воскресенье марта. Встречи организует наш однокурсник Сева Савченко (помнишь его?), он теперь проректор нашего института. Напиши, если не секрет, каким бизнесом ты занимаешься. Помню, что тебе страшно не нравилась химия и ты мечтал об экономическом. Мечты сбываются?»

Она отправила письмо и спохватилась — не обидела ли Сашку? «Значит, всё-таки окончил» — если работал инженером, значит, окончил. Зачем намекать на бывшие когда-то трудности! А «оказался в Тульской области», потому что распределили — разве непонятно? Возможно, и о проректорстве Севы... преждевременно. Достаточно было написать, что он работает в МИТХТ, не важно кем. Хорошо хоть своими успехами не успела похвастать — Таня давно была старшим научным сотрудником, лет пять назад предлагали и лабораторией заведовать, но она отказалась «по семейным обстоятельствам», чтобы ухаживать за больной свекровью. А вдруг Сашка тоже хотел работать в науке, но не получилось? Нетактично колоть человеку глаза своими учёными степенями и должностями. И зачем было напоминать: «страшно не нравилась химия»? Может, потом понравилась! Даже наверняка, раз проработал десять лет на производстве. Обидела, обидела человека!..

— Ты что себе думаешь, милая моя? Мне лекарства давно пора пить! Ещё десять минут назад! На минутку прикорнула, а тебе и дела нет!

Ничего, скоро освобожу вас всех... недолго осталось... — слышались трубные звуки. Свекровь громко сморкалась. Чувствовалось, что тшится зарыдать в голос, да не получается.

Таня бросилась в кухню, справилась по бумажке, какие пилюли подавать, налила воды, понесла всё на подносе в комнату. Раиса Васильевна с бесконечно оскорблённым лицом начала глотать таблетки и запивать, с каждым глотком, как курица, задирая голову. «Ненавижу!» — вдруг поняла Таня, глядя на трясущуюся индошачью шею, и не просто поняла, не захлебнулась быстро отступающим гневом, как не раз бывало за последние десять лет, а отчётливо, с холодной отстранённостью проговорила где-то внутри себя: «Что я вообще здесь делаю? Она мне никто! Мама с папой умерли без меня, оба в одночасье... Сначала у папы инсульт... Мама с инфарктом через полгода, а эта здорюющая кобыла...» — и тут же испуганно одёрнула себя. Новую, холодную ненависть пришлось загонять ещё глубже, чем давно ставшее привычным раздражение: «Она — бабушка Мити... Не дать старухе испортить мальчику жизнь... Олег вернётся через полтора года, ещё потерпеть... Митька... Только ради него...»

К компьютеру в этот воскресный день она больше не подошла и о Сашке почти забыла. Запретив себе думать о свекрови и вообще — обо всём скверном, отдалась счастливому чувству — завтра понедельник! Многими не любимый первый рабочий день недели был её праздником — с утра убежала в институт, примчавшись в обеденный перерыв, разогревала обед для свекрови, быстро перекусывала сама и вновь бежала в лабораторию. Как правило, уже к вечеру вторника ощущение счастья притуплялось, в среду Татьяна Анатольевна, каждый день появляющаяся в институте ровно в восемь тридцать и уходящая позже всех, заметно мрачнела, а в пятницу была близка к отчаянью.

Раиса Васильевна ревновала:

— Стой! Куда?! Подай мне... — задумывалась, чем бы её задержать, и, не сумев ничего придумать, ворчала:

— И куда мчишься?! Да кому нужна твоя работа! После смерти Владимира Савельевича и Пал Иваныча вы все там бездельничаете, без конца перекуриваете...

Таня отвечала деланно кротко:

— Вы прекрасно знаете, что я не курю. А опаздывать мне нельзя, я человек подчинённый, могут уволить. Или вы думаете, что мы проживём на вашу пенсию? — здесь лицо Тани, никогда не претендовавшей на артистические способности, принимало наивно-мечтательное выражение.

Намёки на Танину «подчинённость» всегда производили умиротворяющий эффект, служили своего рода транквилизатором, а упоминание о пенсии действовало и вовсе безотказно. Раиса Васильевна пугалась и умолкала. При всей своей кажущейся болтливости она ни разу не обмолвилась, сколько поступает на её пенсионную карточку, и Таня на расходы, в том числе на довольно дорогие лекарства, ни разу не получила ни копейки.

4

В понедельник после обеда Таня, уже совершенно не думавшая, как ей казалось, о Сашке, вдруг вспомнила его маму, вспомнила со щемящим чувством: «Мне бы такую свекровь...» А потом подумала, что ведь расстались-то они, пожалуй, из-за чудесной, так понравившейся ей Ольги Сергеевны...

Они учились на третьем курсе, то есть училась Таня, а Сашка просто сдавал сессию за сессией на тройки исключительно благодаря природной сметливости, физмат-школе да Таниным конспектам. Ольга Сергеевна приехала в Москву без предупреждения, ясным и тёплым октябрьским воскресеньем, и обнаружила в комнате сына всегдашнее непотребство. Накурено, пустые бутылки по углам, на липком, вечно чем-то залитом столе — крошки, карты и вырванные из тетради листочки с преферансными счетами. На одной из никогда не заправляемых постелей — спящий в одежде Серёга Лапин. Из-под мятой и грязной простыни высовывались громадные лапинские ноги в драных носках. Лапина несколько лет назад выгнали из института, но он продолжал жить в Сашкиной комнате, скрываясь от комманданта, что было не очень сложно — на улицу Лапин выходил крайне редко.

Сашка отвёл маму к Тане. Её соседки, Люська и Лена, очень обрадовались, кинулись поить гостью чаем, наперебой рассказывали, что домашний «наполеон», регулярно присылаемый ею с проводником поезда, заслужил в общежитии название «пища богов». Почему-то на этот раз Ольга Сергеевна не привезла ни «пищи богов», ни другой «амброзии» — домашнего вина. Сашка хвалился, что отец готовит «амброзию» из их собственного, растущего на балконе винограда, при этом будто не слышал подчеркнуто вежливых, вполголоса рассуждений одного парня из Кутаиси: какова же площадь этого чудесного балкона, если на десять литров браги винограда должно уходить килограммов тридцать как минимум? Девчонок Ольга Сергеевна слушала невнимательно, невпопад кивала, подолгу задерживая на Тане взгляд глубоких и грустных тёмно-карих глаз. Была она крупная, с высокой грудью и тонкой талией, с красиво округлыми икрами и сильными, голыми до локтя руками, и казалась очень здоровой благодаря яркому, во все щёки румянцу. Только теперь, вспоминая, Таня сообразила, что румянец был, по-видимому, не признаком здоровья, а как раз напротив, гипертонии, а может, и сердечной болезни. С неожиданной тоской подумала: «Жива ли? Сколько ей сейчас?»

Сашка пришёл умытый, выбритый, в привезённой мамой новой рубашке в тонкую синюю полоску. Ему тоже дали чаю и жареной картошки, знали, что в комнате мальчишек, как всегда, «последняя мышь повесилась». Картошку они в общаге жарили на огромной сковороде и на завтрак, и на ужин, а обедали, понятно, в столовках, пельменных, где придётся. Потом они втроем, Сашка, Ольга Сергеевна и Таня, сидели в их с Сашкой любимом кафе «Космос» на улице Горького. Ольга Сергеевна отказалась от мороженого, сказала «горло болит», и они с Сашкой съели её порцию напополам. И пока поедали мороженое тоже с каким-то «космическим» названием, Ольга Сергеевна тихим, расстроенным голосом говорила, что Сашкины учителя всё время спрашивают о нём, уверены в его блестящем будущем. А она не знает, что и отвечать, ведь он троечник, «хвостист», постоянно на грани исключения...

Таня вдруг отчётливо вспомнила: было че-

тырнадцатое октября, необычайно тёплый, почти жаркий, солнечный день. От старушки в троллейбусе услышали: «Каков Покров, такова и зима», но зима будущего семьдесят девятого года оказалась как раз на редкость свирепой... Она не помнила, как они провели остаток дня, но точно, что на поезд Ольгу Сергеевну Сашка провожал один, а когда вернулся в общагу, сообщил, что Таня очень понравилась его маме:

— Она сказала: «Танечка — девочка такая, не то что ты, она своего добьётся», — в голосе Сашки одновременно звучали обида и торжество.

Она спросила:

— Чего «своего»?

— Прекрасно понимаешь — всего.

Пол «всем» подразумевалось распределиться куда-нибудь поближе к Москве, чтобы можно было приезжать на выходные, ходить на выставки, в театры, а ночевать иной раз у тётки Нелли или однокурсников-москвичей. «А ещё лучше, — мечтала Таня, — остаться в аспирантуре, потом в какой-нибудь подмосковный академгородок...» Она не могла представить себя в качестве технолога или мастера заводского цеха. Жизни вне Москвы тоже не мыслила. В последнем пункте Сашка был целиком с ней солидарен. Но какая аспирантура, если в зачётке одни тройки, из института бы не вышибли! Но и на Таню надежды мало, о необходимом для аспирантуры красном дипломе и у неё не может быть и речи. Вернуться на родину к родителям ни Сашке, ни Тане не хотелось. Да это и невозможно: оба с Украины, Сашка из Донбасса, Таня из Крыма, а их институт — строго российского подчинения, Министерства химической промышленности РСФСР.

Нет, нельзя сказать, что после визита Ольги Сергеевны Таня бросила Сашку, но отдалась. Вернее, это Ольга Сергеевна отдала, отделила её от сына своим ревнивым «не то что ты». Они расстались как-то незаметно, стали видаться всё реже и реже, и всего-то через полтора месяца, ещё до зимней сессии, Сашка с Серёгой Лапиным куда-то исчезли. О том, что Петрушкевич отчислен, Тане сообщил — с удивлением: «Я думал, ты знаешь» — не кто иной, как Олег Крюкин, с которым до того она не сказала и двух слов.

«Как глупо, — думала Татьяна Анатольевна,

следа за капающим из хроматографической колонки раствором, — наше украинское происхождение казалось мне тогда знаком свыше, предопределением...» Сашка был стопроцентным украинцем, она — на четверть. Можно подумать, у них на курсе больше не было никого с Украины! Кого только не было! Правда, никого особо не интересовало, кто есть кто и откуда, кроме совсем уж экзотических случаев, вроде якутки Сони, весёлой разбитной девахи с лицом, похожим на непропеченный блин, или бурята по прозвищу Чива. «Как же его звали?» — Таня напрягла память, но так и не вспомнила ни имени, ни фамилии. Чива тоже был отличный парень, помогал всем по «начерталке» — до поступления в МИТХТ он успел недолго поучиться ещё в каком-то техническом вузе. Ловко вычерчивая эшюры, Чива рассказывал, что неподалёку от его родного посёлка строят БАМ, Байкало-Амурскую магистраль, она была у всех на слуху. Но и у них в институте Чива надолго не задержался, исчез ещё до первой сессии, так, видно, и кочевал из вуза в вуз...

«И ещё Сусанна из Ферганы, — вспомнила Таня, — девчонки звали её Сюзанна, Сузи, Сузка». Узнав, что Таня из Симферополя, Сузка рассказала, что в Узбекистане она родилась и окончила школу, а теперь тоже стала крымчанкой — её родители переехали в Белогорск. Только через десять лет, в перестройку, когда в Крыму вдоль дорог появились минареты, а на площадях стали митинговать, Таня сообразила, что Сузка — крымская татарка. В конце семидесятых она была для всех просто красивой черноглазой девчонкой, а узбечка ли, татарка — не всё ли равно! Даже при необходимости описать её никому бы в голову не пришло сказать «восточного типа», так и говорили: «красивая такая, тёмненькая, с толстой косой». Вот косы, да и вообще длинные волосы, были редкостью, особой приметой. Тане хватило терпения отрастить только до плеч...

5

«Что же я добилась?» — продолжала думать Таня. Ну да, вышла замуж за парня из Подмосковья, почти москвича. Но она к

этому не стремилась! Олег сознался, что влюбился в неё в первый же день учёбы, только Таня его не замечала. Да и признаться решился лишь через год после того, как Сашку отчислили. Олега распределили, как и следовало ожидать, по месту прописки. Отец организовал ему запрос чуть ли не на первом курсе. Когда Таня вышла из декретного, свёкор-завлаб устроил её в соседнюю лабораторию под начало своего приятеля, теперь тоже покойного Павла Ивановича. На том «протекция» Владимира Савельевича закончилась. Впрочем, Таня, как и Олег, была молодым специалистом, её всё равно должны были взять на работу. Не в ту лабораторию, так в другую. У Павла Ивановича она просидела сначала в старших лаборантах, потом в «мэнээсах». Всего семнадцать лет. На поминках по свёкру шеф спохватился:

— Таня, что вы себе думаете? У вас накоплен серьёзнейший материал! Пишите, защищайтесь! Вот и Володи нет, видите, мы не вечные... Кто нас заменит?..

Меньше всего Тане хотелось думать о своей так называемой карьере, вспоминать, как мучительно неловко было сдавать кандидатский минимум с юными аспирантами, которые принимали её за экзаменатора, и защищаться в сорок два года. Согласилась только, чтоб не огорчать шефа, он всегда относился к ней хорошо. Сейчас она хотела думать о Сашке, но не о плотном мужчине из «Одноклассников», а о мальчишке, оставшемся в семидесятых. Конечно, она любила его и не собиралась менять ни на какие прописки. Предопределением, знаком свыше казалось ей и сходство фамилий: Петрушкевич — Петринская». Одноклассники их звали Петями. Когда им исполнилось по восемнадцать лет, в первый раз пошли голосовать, и Сашка, остановившись перед табличкой с буквами «Н, О, П», сказал:

— А ты иди к столу, где твоя буква!

— Так это и есть моя буква!

— Точно — Петринская! А я почему-то думал, что ты на букву «Т»...

Эта чепуха её страшно обрадовала: «Значит, в его мыслях я не Петринская и даже не Петя, а Таня...» Она не любила свою фамилию: у неё в классе было четыре Тани, и учителя, и одноклассники звали только по фамилии. И с име-

нем было непросто. Таня родилась в конце апреля. Мама хотела назвать её Нинель, в честь тётки Нели. Помешал дедушка, мамин отец, приехал на День Победы из своего колхоза — «увешанный орденами, как иконостас», вспоминал папа, — поднял на смех зятя и дочь и сказал, что Нинель — это «Ленин раком». После долгих раздумий назвали Татьяной, «по остаточному принципу», потому что никто из родных не возражал. В институте она тоже была для всех не Таней, а Петей. И за имя — хорошее! — было обидно, а уж какие мерзости приходилось выслушивать от Раисы Васильевны в связи с фамилией! Свекровь почему-то вбила себе в голову (а может, притворялась?), что Таня еврейка: «У тебя, милая моя, как у всех ваших, руки из задницы растут, но ваши-то умные, хитрые, а ты дура дурой!» По молодости Таня бунтовала, доказывала, что отец — наполовину украинец, потомок запорожских казаков, а мама и вообще чисто русская, Антонова. «Где хохол прошёл, там еврею делать нечего! — парировала свекровь. — Но к тебе это не относится! Послал же бог сноху!»

Постепенно Таня научилась относиться к подобным выпадам с юмором. Как-то сказала с притворно тяжким вздохом: «Ладно, Раиса Васильевна, сознаюсь: я еврейка! Только давайте оформим всё документально, и я с удовольствием уеду от вас в Израиль!» Свёкор засмеялся: «А вот это лишнее!» Владимир Савельевич нередко разряжал ситуацию, по-видимому, прожить сорок лет с Раисой Васильевной можно было, только не принимая её всерьёз. Но после его смерти всё покатило под откос...

Свёкор скончался, когда Митька учился в девятом классе. Ещё в восьмом стало понятно, что с физикой у парня беда, надо брать репетитора. Однако свекровь с гордостью напоминала, что «Олежек безо всяких репетиторов поступил». Далее с презрением говорилось, что платить «бешеные деньги каким-то мошенникам» из-за того, что Таня испортила крюкинскую породу, они, Крюкины, не намерены: «Не может учиться — и не надо! Не всем быть образованными!» Раиса Васильевна, не имея высшего образования, считала себя представительницей рабочего класса. До тридцати двух лет она переключивала бумажки в отделе кадров Алексинского химкомбината. В пятьдесят восьмом году молоденький Влади-

мир Савельевич, занимавшийся тогда взрывчатыми веществами, был направлен в командировку в Алексин Тульской области, где и попался.

В их академическом институте Раиса Васильевна занимала должность инженера отдела охраны труда, маскировала отсутствие диплома туманными намёками: «Вот когда мы учились... Нам-то образование давали, не то что теперешнее...», но дома любила именовать себя рабочим человеком, в отличие от Тани, «гнилой интеллигентки» и, следовательно, бездельницы и неумехи. На Владимира Савельевича и Олега, как интеллигентов в первом и, соответственно, втором поколении, «гнилость», по-видимому, не распространялась. И вот теперь Митя почему-то должен расплачиваться за бабкины комплексы!

— Поймите, времена изменились! — уговаривала Таня домашних. — Кроме того, Митя хочет поступать не в химический институт, а в университет на ВЛК, вычислительную механику и кибернетику. Он же неглупый мальчик, у него только с физикой проблемы. Между прочим, на химфак МГУ и Олег не добрал нескольких баллов... Тройку, кстати, получил именно по физике, да, Олег? Вы же не хотите, чтобы вашего внука забрали в армию, не дай бог попадёт в Чечню!

Танины проповеди успеха не имели. Олег, как всегда, отмалчивался, свёкор посмеивался. Таниной лаборантской зарплаты не могло хватить ни при каких условиях. Неужели просить деньги у родителей — украинских пенсионеров? Папа, правда, продолжал преподавать в Крымском сельхозинституте, но они с мамой с самого начала девяностых еле сводили концы с концами, да ещё Таня каждый год отправляла к ним Митьку на летние каникулы, и мама не жалела для внука фруктов. В раздумьях и переживаниях прошло полгода.

И вот как-то Владимир Савельевич зашёл к ним в лабораторию, постоял, вздыхая и покашливая, за Таниной спиной — она работала на аналитических весах, — потом пригласил в свой кабинет и, плотно прикрыв дверь, долго мямлил, что Тане не следует обижаться на Раису Васильевну: «Она... гм... добрейший человек, но... видите ли, матушка Раисы... гм... покойная Фаина Лазаревна, тоже чудная, великолепная женщи-

на, родом из Винницы... и потому все эти разговоры о хохлах и евреях не более как юмор...Таня, вы умный человек... мы же все родные люди...» А потом вдруг без всякого перехода свистящим шёпотом сообщил, что готов оплачивать услуги репетитора, но конфиденциально: «Таня, вы меня понимаете?» Митька обязан скрывать занятия не только от бабушки, но и от Олега, и, кроме того, должен ходить к репетитору на дом, а если это почему-либо окажется невозможным, то на его, Владимира Савельевича, служебную квартиру, он даст ключ. «Смотрите, Таня, не проболтайтесь, — свёкор боязливо оглядывался на дверь, — и Митеньке объясните, иначе... всё пропало!»

За пятнадцать лет жизни со свёкрами Таня не слышала ни одного, даже беглого упоминания о существовании служебной квартиры! Все попытки устроить Митьку хотя бы ночевать в кабинете свёкра получали сокрушительный отпор со стороны Раисы Васильевны: «Владимир Савельевич работает!» Так и жили: они втроём — в самой маленькой комнате, свёкры — в большой. В средний по размеру кабинет, бывший неприкасаемым святилищем, Таню впускали только для уборки, а Митьку, даже когда он подросток и не мог представлять угрозы в смысле порчи бумаг, не пускали вообще. Уроки ребёнок готовил либо на кухне, либо за круглым обеденным столом в комнате бабушки и дедушки. В их десятиметровку письменный стол никак не помещался.

Таня так обрадовалась, что не стала задумываться над странностями служебного жилья. Договорились, что Митька начнёт заниматься сразу после зимних каникул. Разговор состоялся в конце декабря, а восьмого января Владимира Савельевича не стало. Вскоре после этого Павел Иванович, не дожидаясь переаттестации, произвёл Таню в младшие научные сотрудники, но она не обратила на этот «судьбоносный» момент, как говорили, поздравляя её, коллеги, почти никакого внимания — всё переживала о судьбе Митьки.

6

Раиса Васильевна обозначила свою позицию сразу же, в день похорон. Как только визитёры разошлись и Таня начала убирать поми-

нальный стол, свекровь, вздохнувши и приложив платочек к сухим глазам, сказала трагически: «Вот так, была я сама себе хозяйка, а теперь придётся просить помощи у чужих людей!» Затем без паузы, деловым тоном, обращаясь к Олегу, Тане и Митьке (они втроём оказались с одного края стола): «Сколько вы будете выдавать мне на содержание?» Митька захлопал глазами и ничего не понял, Олег сказал: «Мама, потом...», и Таня подумала, что ослышалась.

Ночью, когда сын уснул, Олег погладил Таню по плечу и прошептал:

— Наконец-то мама признала тебя членом семьи, слышала, как она сказала: «Сколько вы будете выдавать на содержание», а не ты...

— Чего? — изумилась Таня. — Какое ещё содержание?! Она что, актриса погорелого театра, а ты ей не сын, а купец-поклонник? Каких романов она читалась? И кто эти чужие люди, у которых теперь надо просить помощи?

— Не ори, Митьку разбудишь, — прошипел Олег и перевернулся на другой бок.

Через несколько дней, тоже ночью, она заговорила с Олегом о Митьке, рассказала, что Владимир Савельевич хотел сам платить репетитору, а теперь... «Мы должны это сделать хотя бы ради его памяти», — говорила Таня каменно молчаливому мужу. Чувствуя, что он не верит, сказала, что свёкор, чтобы не волновать Раису Васильевну, готов был предоставить для занятий служебную квартиру и даже успел сообщить адрес: улица Строителей, 15, за больницей, квартира 37...

Обычно медлительный Олег вскочил и выбежал за дверь. Таня долго слушала, как он моет руки в ванной, потом пьёт воду на кухне... Когда вернулся, Таня сидела на кровати с широко раскрытыми глазами.

— Ты вот что, — забормотал Олег, — ты об этой квартире забудь, это квартира мамы и вас с Митькой совершенно не касается...

— «Мамы»? Значит, её не отберут? — Таня обрадовалась. В голове зрели планы один головокружительное другого: квартиру сдать, вот и деньги на репетитора! А если Раиса Васильевна не согласится? Конечно, не согласится! Тогда пусть переезжает в свою квартиру, а они... с деньгами как-нибудь выкрутятся, зато Митька сможет спать в бывшем кабинете свёкра или в большой комнате! В самом деле,

сколько можно взрослому парню ютиться вместе с родителями на десяти метрах! А если поменять трёхкомнатную на двухкомнатную? С доплатой! Все проблемы будут решены!

Нехотя, каждое слово приходилось вытягивать клещами, Олег признался, что приватизирована эта действительно когда-то бывшая служебной квартира не на Раису Васильевну, а на Олега, но это ничего не значит. «Квартира принадлежит маме», — бубнил и бубнил, как шизофреник.

— Ну и что? Она так и будет стоять запертой?

— Как мама решит, но скорее всего — да, будет стоять, а ты что думала?! Мама опасается... И у неё есть основания... Начнут болтать, будто квартира приватизирована незаконно... Бросить тень на отца... Не смей никому говорить, иначе ты мне не жена!

Таня решила идти ва-банк. Пообещала, что никому ничего не скажет, но взамен они наймут Митьке репетитора по физике. Олег обещал подумать.

На другой день, кажется, впервые за всю совместную жизнь, Таня заглянула в паспорт мужа. Оказывается, он уже семь лет прописан на Строителей, 15! Чего и от кого тут скрывать? В их маленьком городке и так все про всех всё знают. Только она, как обычно, узнаёт последней, даже про собственного мужа. И, конечно, никого не интересует малогабаритная двушка в панельном доме, особенно на фоне особняков, которых понастроили себе бывшие учёные, сразу после перестройки занявшиеся разного рода «бизнесом». С другой стороны, если довести эту простую мысль до Олега, то ещё неизвестно, как они с Раисой Васильевной себя поведут. Чего доброго, всё так и останется по-прежнему. Даже если свекровь съедет в «свою» квартиру (Таня не могла себе этого представить!), репетитора у Митьки не будет.

Таня решила воспользоваться нелепым страхом Раисы Васильевны перед «квартирным» разоблачением и каждый день спрашивала Олега, что он решил. А он отнекивался, ссылаясь на бедственное положение матери: «Ты что, не понимаешь, в каком состоянии мама? Она потеряла мужа, а ты чёрствая, бессердечная...» — тянул, тянул, да и дотянул до лета.

В начале июля Таня уехала, как и в прошлые годы, воспитателем в лагерь. Впервые они попа-

ли туда вместе с Митькой лет шесть назад, когда всех сотрудников институтов начали выгонять в отпуска без содержания на два месяца. Таня сразу же предупредила педагогов, что заниматься с детьми не умеет и свою «воспитательную» функцию видит только в том, чтобы подопечные были целы и невредимы. Неожиданно эта позиция пришлось по душе лагерному начальству. Возможно, не последнюю роль сыграл и Танин разряд по плаванию. Купание всех отрядов в озере было возложено на неё. Заработать, конечно, ничего не удавалось, зато бесплатная кормёжка, а главное — привольная, без свекрови, жизнь. После трёхмесячной возни на даче под бдительным присмотром Раисы Васильевны Таня блаженствовала и, кажется, передавала своё умиротворение детям. Никаких ЧП при ней не случилось, а её добровольный помощник Тимур, мальчик из неблагополучной семьи, получавший путёвку каждый год и на всё лето, в редких конфликтных ситуациях говаривал, широко улыбаясь щербатым ртом: «Не волнуйтесь, Татьяна Анатольна, мы сами разберёмся, всё будет о'к...» Мелкими, суетливыми движениями Тимур напоминал небольшую хищную зверушку, какого-нибудь грызуна...

Митька с Олегом, однако, предпочитали проводить лето в Симферополе у Таниных родителей. Алучше — в Стерегущем, куда и Таню в своё время отправляли на летние каникулы к родственникам. С троюродным братом Генкой с утра до ночи плескались в мелковатом, горьком на вкус море западного Крыма и носились на велосипедах по белесой солончаковой степи. Когда она перешла в восьмой, а Генка в девятый, сидели как-то, глядя на закат, что над морем отливал розовым перламутром, а чуть левее, над степью, за их обгорелыми спинами, клубился пыльно-багровым маревом, и Таня сказала:

— Завидую тебе, живёшь у моря. Я могла бы всю жизнь просто сидеть здесь и смотреть...

Генка возразил:

— Ты не знаешь, какая здесь тоска зимой! Нет, я поеду учиться в большой город, и не к вам в Симферополь, а в Москву или в Ленинград.

Они всё сделали наоборот. Гена поступил в Севастопольский приборостроительный, а Таня уехала в самый большой город страны, уступив маме — ей очень хотелось отдать един-

ственную дочь под крыло тёти Нели. Правда, на уговоры поступить в Тимирязевку Таня не поддавалась, хотя мама, как могла, боролась против химии: всё грозилась повезти Таню и Гену на экскурсию в Саки, на «ужасный», по её словам, Сакский химзавод, да так и не собралась. А в Москве, не в августе во время вступительных, а в один из таких же, как сегодня, тёплых позднесентябрьских дней, Таня вдруг осознала, что её настоящая родина здесь, среди вязов и лип, осыпающих «багрец и золото» на мокрый, чёрный от дождя асфальт, а почему так — не поняла до сих пор...

7

Во вторник вечером разразился скандал. Раиса Васильевна, обладавшая, по мнению Митьки, змеиной интуицией, будто почувствовав, что у Тани в компьютере завёлся интерес, принялась нахваливать Инку, теперешнюю жену Олега:

— Умница, красавица, воспитанная, не тебе чета! Конечно, следит за собой, в вашем возрасте нельзя без этого. А ты, милая моя, совсем опустилась, сделай хоть маникюр.

— Вы прекрасно знаете, что я химик, у меня руки целый день в растворителях, — Таня отвечала со своей обычной кроткой полуулыбкой, особенно раздражавшей Раису Васильевну.

— Да кому нужна твоя работа! А хоть бы и растворы! Домой пришла — и сделала! Женщина должна следить за собой!

— Дома? Чтобы вам лекарства подавать? С некрашеными ногтями что, уже не устраивает? — продолжая улыбаться, успела подумать: «Спасибо хоть «утку» пока не требует», — Раиса Васильевна, опомнитесь...

Старуха не унималась:

— И волосы покрась, смотреть же противно! Инночка — твоя ровесница, а как выглядит!

И тут Таня сорвалась:

— Вот пусть эта красавица вам и прислуживает! Вы с вашим сыночком всю жизнь мне сломали! — побросала в сумку какие-то тряпки и ушла.

— Да ты без нас ноги протянешь... Если б не Владимир Савельевич... гнали бы отовсюду сраной метлой... — несмотря на захлопнутую

дверь, торжествующий голос свекрови гулко разносился по лестничной площадке.

Раиса Васильевна питалась Таниным отчаянием, молодедела, расцветала, розовела от удовольствия. В лифте Таня вспомнила, что компьютер остался включённым. «Ну и шут с ним! Пусть так стоит, Митька приедет — разберётся... Всё равно к нам переносить...» — перед ней вдруг открылась новая жизнь, на миг показавшаяся бесконечной и прекрасной.

...Тем памятным летом, когда Митька перешёл в десятый, Таня поехала в лагерь одна. Раиса Васильевна настояла, чтобы Митька вместе с Олегом помогли на даче. Раньше, когда был жив Владимир Савельевич, они хоть с трудом, но управлялись, а теперь никак! Таня уехала, вырвав у свекрови обещание, что та отпустит Митьку на последние две недели августа в Крым.

Ей запомнилось, как перед отъездом они втроём — Таня, Раиса Васильевна и Митька — ездили выбирать и заказывать памятник. Олега с ними почему-то не было. Почему? Она не смогла вспомнить.

Раиса Васильевна неспешно ходила по кладбищу, останавливалась у могил почивших знакомых: «А эта-то, зараза такая, всё кокетничала с Владимиром Савельевичем, лаборантка его, уж и Олежек родился, а она всё не унималась... А этот-то мерзавец, заместитель Владимир Савельевича, подсидеть его хотел... Не вышло, голубчик...» Таня улыбалась, Митька злился. Выбрать памятник свёкру всё не удавалось — этот недостаточно хорош, тот слишком дорог...

— Мне можно было бы вот такого! — Раиса Васильевна указала на беломраморного ангела, скорбящего у обломанной колонны. — А мужчине — нет, не подойдёт!

— А мне вот этого! — Таня, подмигнув Митьке, кивнула на скромный крест тёмно-серого камня.

Старуха очень серьёзно сказала «хорошо», подошла к кресту, внимательно осмотрела, даже обошла кругом.

— Совсем с ума посходили! — возмущённый Митька швырнул наземь мешок с веником и, сбивая тяпкой шары чертополоха, зашагал к центральной аллее.

— Раиса Васильевна, — Таня продолжала улыбаться, — меня вы, конечно, переживёте, но неужели вы надеетесь, что и внука тоже?

Свекровь тяжело задумалась. Подняла глаза к небу, долго шевелила губами, подсчитывая. Наконец сказала с сожалением:

— Нет, Митеньку, наверно, нет...

Таня восхитилась: «Какая воля к жизни!» Себя она чувствовала уставшей и безнадежно старой.

Когда через полтора месяца она вернулась из лагеря, Олег читал, лёжа на диване. В квартире было пыльно, темно и скучно. В раковине на кухне — гора невымытой посуды, на подоконниках в цветочных горшках — окурки.

— А ты почему не на даче? — изумилась Таня.

— Там у Дилиной внучки какая-то инфекция, мама сказала, я не болел...

— А Митька?!

— А он болел.

— Ветрянка, что ли?

— Значит, ветрянка.

— А это чьё? — показала на окурки. Олег не курил. Останки сигарет были к тому же тонкими, со следами розовой помады.

— Терновские заходили.

— Но Эльвира не курит!

— Покуривает... когда выпьет...

Пока она вытряхивала окурки и мыла посуду, внутри нарастало беспокойство. Чужое недоброе, в тот же вечер поехала на дачу. «Таня, Таня!» — замахала Одилия Николаевна, поливавшая из шланга цветы. Любимый Таней медовый, особенно усиливающийся под вечер аромат флоксов впервые в жизни показался неприятным, тревожным. Одилия бросила шланг, подошла к забору и, подбоченясь, начала что-то рассказывать. Таня, не слушая, прошла в дом. На диване перед телевизором сидела Раиса Васильевна, тут же влетом, потихоньку пиная друг друга за спиной бабушки, валялись Митька и двенадцатилетняя Дилина внучка Маша с обвязанной шеей.

— А, явилась... — приветствовала Раиса Васильевна и тут же начала жаловаться: Митька ей не помогает, поел всю клубнику, и вообще только ест, ест и ест с утра до ночи, крыжовник собирать отказывается, в малине завелись какие-то насекомые, Дилия говорит, надо опрыскать, а он не хочет, только ест, ест и ест, она уже совсем без сил, погибает, изнемогает...

— Это что такое? — Таня глазами указала на Машкину ватно-марлеву повязку.

— Свинка! — радостно завопила Машка. — Тё-

тя Таня, у меня свинка, купаться не разрешают...

— Вон отсюда! — прошипела Таня, испуганная девчонка слетела с дивана и бросилась вон. — Митька, собирайся, поехали, быстро!

— Так он же болел! Хорошо помню, зелёной мазали, весь сервант мне изгадили и в кабинете Владимира Савельевича на стене... Вот у Олежека свинки не было, а во взрослом возрасте особенно опасно...

— То ветрянка была! Ноги моей на вашей проклятой даче не будет! И ты, Митька, больше сюда не поедешь! Хватит, наишачились!

На другой день позвонила Одилия Николаевна. Просила прощения, говорила, что никак не могла предположить, что Раиса Васильевна перепутает свинку с ветрянкой, успокаивала: Машка болеет в лёгкой форме, потому-то её оставили на даче, а Митя наверняка и вовсе не заболеет, ведь инкубационный период — максимум двадцать четыре дня, а теперь уж вон сколько прошло, Машка выздоравливает...

Таня звонила в Симферополь, советовалась с мамой — ехать ли? Билеты на завтра. Решили ехать. Мама сказала: «Лучше уж с нами, если заболеет. У вас же там село Степанчиково!» Олег смотрел виновато, Таня с ним не разговаривала, иногда только, собирая вещи, говорила Митьке: «Передай своему папаше...»

8

В Симферополе было хорошо. Вся накопившаяся за год «Степанчиково» дурь враз отступила, даже стала казаться забавной. У родителей уже третий год жил брат Генка, работал на водоканале, к семье в Стерегущее ездил на выходные. На следующий же день после приезда Тани и Митьки, в субботу, все туда и отправились. И было хорошо, как никогда хорошо сидеть вечерами во дворе за большим, покрытым клеёнкой в цветочек дощатым столом. Ночные бабочки бились в привязанную к акации лампу. И Таня, всё пытавшаяся донести до родных безобразное, невозможное, возмутительное поведение свекрови, казалась себе одной из них.

Нет, они не возмущались, а добродушно смеялись, вспоминая не раз гостившую у них Раису Васильевну. Та постоянно была чем-то недо-

вольна: жарой, плохой водой, удобствами во дворе возле курятника, громким лаем гонявшего кур Полкана, самодельным летним душем (Генка очень им гордился), резким ветром, приносившим с берега колючий песок, а более всего — некультурностью новых родственников. Действительно, Танин дед, участник Гражданской войны, с Великой Отечественной вернулся без руки и образование имел скромное, какое — толком никто не знал, но это не помешало ему до конца жизни быть председателем колхоза. А тётя Тамара, мама Генки, окончила в Симферополе мясо-молочный техникум.

— Авось не заболит, — говорила сейчас тётя Тома о Митьке, — а заболит — вылечим, вон доктор свой... — указывала на ухмыляющегося Алёшку, студента второго курса мединститута.

Митька с Алёшей, поужинав, уходили на танцы в пансионат, их белые майки и широкие, длинные, ниже колен полосатые трусы быстро растворялись в черноте южной ночи.

— Но Олег?! Как он мог? — продолжала переживать Таня. — Нет, надо разводиться!

Бабочки бились о стекло. Ветер усиливался. Овальная тень от лампы металась по столу.

— Ты знаешь, я никогда не фанател от твоего Олега, — сказал Генка. — Но разводиться не советую. Тебе сколько? Тридцать девять?

— Тридцать восемь... с половиной...

— Замуж больше не выйдешь, — под спокойным, светлым взглядом брата Таня поёжилась. Слова Генки показались пророческими, может быть, из-за мелких белых морщинок, что веером расходились по загорелой коже вокруг серо-голубых глаз и придавали взгляду особую значительность.

— А оно ей надо? — Валя, Генкина жена, громыхнула умывальником, со звоном ссыпала в таз ложки и вилки.

— Танечка, прости их, — говорила мама. — Надо быть снисходительной...

Бедная мама! Всё ей казалось, что иметь свекровь, даже такую, как Раиса Васильевна, — великое счастье. Отец Тани был круглым сиротой — все погибли в войну. Мамина мать умерла от туберкулёза в сорок третьем. Её сестру, маму тётя Тома, с девятилетним сыном Лёней угнали в Германию. Они там сгнули, дед после войны писал во все инстанции, но так ниче-

го и не узнал. Девчонки ходили за солью на Перекоп, потом меняли на хлеб... Маме — одиннадцать лет, Тамаре — тринадцать...

Бедная мама! Она готова была всех оправдать, всех простить и только одного не могла понять — как Раиса Васильевна при живых родителях, всю войну просидев с ними в эвакуации в Ирбите, после десятого класса не стала никуда поступать! «Ах, я танцевала, танцевала, всю войну танцевала в госпиталях! После войны тоже...» — любила рассказывать Раиса Васильевна, мечтательно закатывая глаза. «Что ж, она помогала фронту как умела», — усмехалась тётя Тома. «Тома, Танечка, будьте снисходительны!» — умоляла мама...

Папа по поводу развода не произнёс ни единого слова, только хмурился, в насмешках над Раисой Васильевной участия не принимал, но быстро решил проблему репетитора по физике: «Дмитрий, не бойся! Не любишь физику — поступай туда, где её не надо сдавать!» Митька засомневался: «На мехмат? Но это ещё трудней...» — «А ты попробуй! Не получится — переедешь к нам. Если надо, гражданство тебе оформим. Спасибо вашему Лужкову, филиал МГУ у нас организовал, здесь и поступишь!» И сын успокоился, а у Тани отлегло от сердца. И через два года с мехматом — получилось! А папа не дожил, не увидел внука студентом...

Свинка началась в поезде, рано утром, как только они пересекли украинскую границу. Таня с ужасом смотрела, как на глазах распухает шея. С такой же скоростью поднималась температура. Слава богу, в соседнем купе нашёлся аспирин. Когда подъехали к Курскому вокзалу, сын, еле ворочая языком, прохрипел:

— Помоги надеть рюкзак...

— Я сама... Идти сможешь? Давай такси возьмём!

— Не надо такси... Смогу... — Митька знал, что денег у них только на метро и маршрутку. И пошёл по перрону, покачиваясь под рюкзаком, высокий, худой, угловатый...

Дома, в прихожей, Раиса Васильевна беседовала по телефону. Таня стащила рюкзак со спины сына:

— Иди ложись в большой комнате!

Митька, хоть и плохо соображал из-за жара, удивился:

— На бабушкину тахту?

— Да, в большой комнате! — Таня не могла назвать старуху бабушкой. А та, недовольно подняв брови, продолжала бубнить: «Да, Диля, нет, Диля, даже не знаю, Дилечка, что тебе сказать...» Таня нажала на рычаг, вырвала трубку, набрала скорую и только потом гаркнула: «Убирайтесь!»

Доктор скорой помощи с отсутствующим выражением лица, сказав: «Ничего страшного, обычный инфекционный паротит, антибиотиков пока не нужно», прописал компрессы из водки и долго, со вкусом (Тане даже показалось, облизываясь), объяснял, как их ставить: «Купите «мерзавчик» — должно хватить. Нет, лучше пол-литра или «ноль-семь» — не пропадёт...»

— Митя, тебе не показалось, что доктор несколько... навеселе? — спросила Таня, проводив медиков.

— Нет, мама, — мужественно прошептал Митька, — ты ошибаешься, доктор не навеселе, он пьян мертвецки!

Потом-то Тане сказали, что доктор Кузьмин не пьёт и, между прочим, очень хороший врач, просто у него вид такой... странный.

Свекровь не появлялась и не звонила всё время Митькиной болезни. Олег тоже пропал. Да Таня ими и не интересовалась. Сказала Митьке, что с папой придётся развестись: «Ты же видишь, что делается, мы ему не нужны». Кроме того, у папы есть своя квартира, хорошая, двухкомнатная, а эту, где они с Митькой прописаны, они будут разменивать: «Я с твоей бабушкой жить всё равно не смогу, да и она вряд ли захочет».

Митька выздоравливал, Таня вышла на работу. Как-то, придя в обеденный перерыв, застала Олега. Наташил сыну конфет, фруктов, какую-то электронную игрушку... Тут же, при ребёнке, стал умолять её не разводиться: «Будем, наконец, жить как люди, в своей квартире. Неужели ты не хочешь? Ведь всегда мечтала!»

— Где ты раньше был со своей квартирой? А эти три недели? Заразиться боялся? Даже не интересовался, как Митька!

Оказалось, интересовался, каждый день звонил Терновским, а они узнавали у Орловых — «А если б я заразился, тебе что, легче было бы?»

Таня взорвалась:

— А если б я заразилась?!

— А ты разве не...

— Представь себе — нет! Не болела!

— Извини, я не знал, но ты же не заболела...

Не надо, ох, не надо было тогда уступать! Она и не собиралась, но Митька уже был соблазнён: «У меня будет своя комната, да, мам? Может, кота заведём? А овчарку?»

Кота заводить не пришлось — котёнок-подросток Тимка сам спустился к ним с чердака. И чего обманывать себя: этот неполный год, что прожили «как люди в своей квартире», был самым счастливым в Таниной жизни. Её не смущала ни шестиметровая кухня (в квартире, оставленной Раисе Васильевне, кухня была четырнадцать метров!), ни панельные стены, сквозь которые было отчётливо слышно, что делается у соседей. И крохотный балкончик радовал, хотя его даже сравнивать было смешно с лоджией, на которую выходил кабинет свёкра, большая комната и кухня. Зато их игрушечный балкон вис над обширным лугом — дом стоял за больничными корпусами, на краю города.

Ей не показалось странным, что и её, и Митьку Олег поспешил прописать на Строителей, 15. Танины сослуживицы говорили, что все нормальные бабушки прописывают внуков у себя. «Прописка теперь не имеет значения, главное — на кого приватизировано, — отмахивалась Таня. — Ну да, приватизировано на бабу, но всё равно Митьке достанется, он же единственный наследник». Немного огорчила Одилия Николаевна. Остановила Таню на улице и сообщила, что Раиса Васильевна, никому ничего не сказав, продала дачу:

— Каким-то москвичам, за сколько — скрывают, хоть бы нам сначала предложила, ты же знаешь, я Рае всегда помогала!

— Может, и правильно, — сказала Таня. — После вашей свинки я на этой даче всё равно уже не смогла бы...

— Да ты вспомни, сколько твоего труда туда вложено! О себе не думаешь, хоть о сыне подумай! У него ведь тоже семья будет!

Конечно, Одилия была права. Дача должна была достаться Митьке. Но что Таня могла сделать? Что?

В начале мая их луг покрылся одуванчиками, и Тане казалось, что это какие-то таинствен-

ные письма, только не грозные, как «мене, текел, фарес», а наоборот, сулящие счастье. За одну ночь жёлтые буквы сменились белыми, очертания их были уже немного другими и всё время менялись: одуванчики облетали один за другим, будто Тане кто-то писал и писал белым по яркой зелени, настойчиво, безответно... Потом не стало и белых букв, а луг продолжал неспокойно ходить, вздыбливался под ветром уже потускневшими, потемневшими волнами. А когда по «мюрю» начали пробегать тонкие, пшеничного цвета полоски выгорающих трав, напоминавшие Тане не то закручивающиеся белопенные гребешки, не то седину в буйно разметавшейся зелёной гриве, пришла телеграмма из Симферополя: умер папа.

Олег на похороны не поехал. Надо сказать, колебался. Но несколько раз звонила Раиса Васильевна, несла в телефон какую-то чушь о том, что «Олежеку некогда, пишет докторскую, самый ответственный момент, а у «неё» есть брат, не брат, конечно, так, седьмая вода на киселе, но коль захватил квартиру, то пусть и хоронит...» Отупевшая от слёз Таня ничего не могла понять — какую квартиру? кто захватил? — и, чтобы не вникать в этот бред (она могла думать только о папе), сказала мужу: «Не можешь — не едь, мы как-нибудь сами».

Когда они с Митькой через неделю вернулись, дверь на балкон была распахнута, по квартире витал недоумевающей тополиный пух, а на зеркале висела записка, что кот у Терновских, а он, Олег, не вернётся, подал на развод. Терновские же сообщили, что причиной — Инка. Оказывается, это именно она, а не Эльвира, оставляла в цветочных горшках на кухне у свекрови тонкие розовые окурки. И все давно знали и были уверены, что и Таня знает.

— Конечно, так многие делают, — спокойно и очень убедительно говорила Эльвира, — а разводятся, когда ребёнку исполнится восемнадцать, чтоб не травмировать...

— Что ж он не дождался Митькиных восемнадцати? — Таня тупо глядела в одну точку.

Оказалось, Олегу предложили контракт в Германии, Инка, конечно, поедет с ним: «Ты же понимаешь, им надо срочно оформлять документы!» Эльвира была второй женой

Терновского, права «вторых» знала туго, но и блюла их неукоснительно.

— Но ты ведь не можешь отрицать, — мурлыкала Эльвира, — что Олег поступил как порядочный человек, оставил тебе квартиру?

Таня продолжала смотреть в пространство перед собой и, машинально глядя забравшегося на колени Тимку, кивала: «Да, да, конечно...»

9

В среду, идя с работы, она встретила Андрюшу Орлова, Андрея Афанасьевича, Митькиного учителя истории и местного краеведа.

— Как Дмитрий? — как всегда очень серьёзно начал Орлов. — Нормально? Поклон ему... тэ-эк сказать... от старика учителя... В Курослеповке, что ли, вообще теперь не бывает? Хоть бы на вечер выпускников... Да... М-м-м... Слушай, Татьяна! — вдруг оживился и ухватил двумя пальцами верхнюю пуговицу Таниной ветровки. — Ты-то мне и нужна! Мы тут... Э-э-э... совместно с библиотекой... экскурсию заказали, на Куликово Поле, а я... понимаешь ли... М-м-м... У меня, как нарочно, в воскресенье конференция в Берёзовске по местным промышленникам-меценатам... Поедешь?

— В это воскресенье? Поеду! — Таня обрадовалась.

Она любила Орлова и его жену, свою крёстную, тоже Татьяну. Может быть, потому, что из всех знакомых только Орловы никогда не спрашивали её ни об Олеге, ни о Раисе Васильевне, что слегла через полтора года после отъезда сына. И сейчас не спросил. Да чего спрашивать! Они лучше всех знали, Татьяна и Андрей. Когда становилось совсем невмоготу, Таня прибегала к крёстной за советом. От её печального: «Что делать, Танечка, неси свой крест» Тане неизменно становилось легче. А яростные выкрики сослуживиц, наоборот, отнимали последние силы: «Ты дура, Танька, ой, какая ж ты дура! Они тебя заездили! Да, да, вместе с Митенькой твоим! Вот и ухаживал бы за бабкой... Да ты в зеркало на себя посмотри! Ведь ноги протянешь! Тебе-то никто воды не подаст!» Таня не отвечала и угрюмо думала: «Орловы подадут».

Когда уже распрощалась с Андрюшей и

отошла метров на пятьдесят, вдруг вспомнила и обернулась:

— Андрей, а где оно — Куликово Поле?

— Чему тебя в школе учили?! Таких вещей не знать! — возмущённо прокричал Орлов и широким жестом, будто рубанув мечом, смахнул севший на плечо винно-красный кленовый лист. — Под Новомосковском, в Тульской губернии!

...Как-то, когда Митька учился на первом курсе, неожиданно позвонила Одилия Николаевна. Сообщила, что Раиса Васильевна слегла: «Что-то с ногами, а может, и диабет, пока неясно, а главное — возраст...», и пока Олег в Германии, Митя, как единственный внук и наследник, должен ухаживать за бабушкой — она согласна, чтоб он жил у неё, площадь позволяет...

— Она согласна?! Да что вы такое говорите? — ужаснулась Таня. — Мальчик чудом поступил, общежитие дали!

Одилия что-то лепетала о долге молодых перед стариками и что раз такая беда, можно на вечернее перевестись или на заочное... Таня не слушала. Она приняла решение. Сначала ходила к Раисе Васильевне один раз в день, убирала, готовила, приносила продукты, потом два раза, утром и вечером. Потом, когда свекровь начала изводить её звонками (Раиса Васильевна могла позвонить — «Мне плохо!» — и в три, и в пять утра), оставалась ночевать. И, наконец, отдав кога Орловым (свекровь животных не выносила — «астма, аллергия!»), переселилась совсем. Не раз думала сдать свою «двушку», всё какие-то деньги, но воспротивился Митька: на выходные он сначала с друзьями, а потом вдвоём с Настей любил приезжать в Курослеповку, а у бабушки разве отдохнёшь! Да Таня и сама понимала, что пустующая, в любой момент готовая принять её квартира — единственное, что хоть немного сдерживает Раису Васильевну. Не раз и не два, хлопнув дверью, она уходила, но свекровь оказывалась необыкновенно изобретательной. Звонила на работу, причём попадала обязательно в тот момент, когда Таня рисковала запороть важный опыт, ныла тягуче: «Танечка, деточка, прости глупую старуху...» Если Таня не поддавалась, начинала обзванивать всех знакомых и в первую очередь — Таниного начальника. Шеф раздражался, брезгливо фыркал: «Татьяна Анатольна, избавьте меня... Опять ваша родственница...»

«Теперь всё! — думала Таня. — Хватит с меня! Пусть Митька придумает что-нибудь... Наймёт кого-нибудь... И напишет отцу... Сколько можно сидеть в Мюнхене!» Именно теперь, когда из «Одноклассников» и прошедших тридцати лет вдруг вынырнул Сашка, Таня осознала, что так дальше продолжаться не может. И стало непонятно, как же она могла, все эти годы...

Вспомнила недавно умершего Тимофея: коту было хорошо у Орловых, но Таню, свою первую хозяйку, он не забыл. Когда она приходила, Тимка в восторге, чуть не сбивая с ног, прыгал ей на грудь, а котик-то немаленький! Внезапно он страшно исхудал, ветеринар сказал: «Отказали почки, кот старый, колоть — только мучить, продлим жизнь на месяц-два, не больше». Татьяна с Андреем просили: «Тимочка, не умирай, подожди Таню». В это время Раиса Васильевна разыгрывала очередной приступ чего-то — подагры, диабета: «Ах, доктор, это невыносимо! Что у меня, скажите? Это рак, доктор, рак? Ах, я умру, умру!...» Доктор Кузьмин с отсутствующим выражением лица барабанил пальцами по столу. Таня с чистым, так и не понадобившимся полотенцем в руках подпирала дверной косяк. Но Тимоша её дождался...

Странно ей было в пустой, отвыкшей от людей квартире. Включила старенький телевизор и поняла, что неинтересно. Телевидение было вотчиной Раисы Васильевны — с экрана несло непрерывное ржание, по другим программам кого-то судили или готовили еду. Компьютер остался «там» — когда ещё Митька приедет и перевезёт, а сама она твёрдо решила никогда больше не переступать порога свекрови. На работе войти в «Одноклассники» не удавалось. Обратиться к системному администратору? Неловко... И тут вдруг пришло в голову: так где же Сашка живёт? В Новомосковске или в Ефремове? Химкомбинаты и там, и там ещё с советских времён. Об Алексине Тульской области, родине свекрови, Таня не вспомнила. Раиса Васильевна и Сашка принадлежали к разным, подобно параллельным линиям, по определению не пересекающимся мирам. Где хоть когда-то существовала одна, никогда не могло быть другого.

А телефон — и дома, и на работе — молчал. И молчание это стало казаться Тане подозрительным. А вдруг свекровь умерла? Грозилась,

грозила и вот... назло, отомстить, чтобы Таня до конца дней чувствовала себя виноватой. Нет, смерти восьмидесятипятилетней Раисы Васильевны она не могла себе представить! Скорей уж свою смерть или конец света! И, подумав о конце света, Таня неожиданно для себя повеселела. Решила: в октябре возьму отпуск и поеду в Крым! Она не была на родине и вообще в отпуске уже девять лет.

Между тем квартирные дела настоятельно требовали её присутствия в Симферополе. Брата Гену, работавшего на водоканале, а потом в «Крымэнерго», давно сократили. Инженерной должности он больше найти не смог, некоторое время подрабатывал частным извозом. Таня тогда воодушевилась, советовала брату открыть в их квартире гостиницу, например для пассажиров ночных поездов, или, если удастся, сдать на длительный срок порядочным людям. Но Гена, которого Раиса Васильевна, насмотревшись по телевизору «судов», когда-то подозревала в «захвате квартиры», оказался совершенно не приспособленным к «бизнесу». Помыкался-помыкался таксистом, да и устроился в пансионат электриком — зарплата копеечная даже по украинским меркам, зато рядом с домом, они с Валентиной завели коз, поросёнка... Их сын Алёша окончил мединститут, женился на киевлянке и уехал. Симферопольская квартира пустует. Гена раз в три месяца приезжает, оплачивает коммуналку. Сколько приходится платить — не говорит, но Таня волнуется, что много, ведь квартира принадлежит ей, гражданке России. Дали объявления о продаже, но за десять лет поинтересовались только двое, да и те предлагали смехотворную сумму. «Квартир как грязи, — ехидничал Митька, — а я почему-то должен снимать!» — «Но что я могу сделать? — устало говорила Таня. — И разве дядя Гена должен заниматься нашей квартирой? Хочешь, переезжай в Симферополь, сам ищи покупателей...» — «Ага, щас! Мне больше делать нечего!»

10

Он позвонил по мобильному в пятницу после обеда. Сказал, что всё знает. Прекрасно понимает, что так дальше продолжаться не может:

— Я, собственно, звоню по просьбе бабушки, — излагал бесстрастным, ровным голосом. — Она просит у тебя прощения, говорит, она одна во всём виновата, повторяет всё время: «Митька, помни, твоя мама — святая!» Она вчера упала на кухне... — сын глубоко вздохнул и замолчал.

— И что?

— Ушиб, но в следующий раз будет перелом шейки бедра.

— Это бабушка так решила?

— Нет, доктор Кузьмин сказал. Но теперь это не твои проблемы. Мы просто ставим тебя в известность. Я с понедельника в отпуске, буду жить у неё...

— А после отпуска?

— Будем думать. Сегодня к ней Одилия Николаевна придёт, а я приеду завтра. Мы с Настей в понедельник должны были лететь в Таиланд, но ничего не поделаешь...

— Что, путёвки пропадут?

— Не пропадут, Настя поедет... с кем-нибудь...

— С подружкой?

— Или с другом. Не знаю. Мы решили расстаться, — проговорил Митька похоронным голосом и снова умолк.

Таня тоже молчала. Наконец с трудом выдавила:

— Не надо, Митя... Я приду к ней... завтра... и с Дилей договорюсь... если вы с Настей... не надо расставаться... поезжайте...

— Правда, ма?! Ну конечно, мы только из-за бабушки... Ты не думай, она всё понимает, она не будет, как раньше, и вообще раскаивается... Я сам Диле позвоню! У тебя же синтез...

— Подожди, ты не понял... Мне надо договориться с Одилией Николаевной, чтобы она пришла в воскресенье, я на экскурсию еду, а я завтра зайду... помирюсь с ней... но ночевать у неё теперь не буду! Никогда! Компьютер мне перенесёшь...

— Ну конечно! Мам, ты гений! А комп после отпуска, ладно, ма? Сейчас Насте позвоню! Целую!

Она долго стояла с мобильником в руках. Потом ахнула и бросилась к колбе с выкипающей реакционной смесью. Когда она позвонила Одилии, та уже всё знала: «Да приду, приду! И Раиса звонила, и Митька... Рады без памяти! Ты бы постороже с ними, ведь на голову сели...»

Раиса Васильевна раскаявшейся не выглядела. Встретила Таню как английская королева, принимающая посла небольшой и пока суверенной державы:

— Таня, я вас отпускаю! — царственно поводила рукой. — Мы с Дилей давно не виделись, нам, старухам, иногда надо посплетничать... — на губах Раисы Васильевны змеилась тонкая улыбка, очевидно, намекавшая, что свекровь решила наконец снизить к Дилиной слабости к сплетням, чем делает ей большое одолжение.

Обращение «Таня, вы» в свекровиной «табели о рангах» шло вторым сразу после «Танечка, деточка». Следующее затем «Татьяна, ты» немедленно переходило в «милую мою» со всеми вытекающими последствиями. Таня напряглась и сухим, официальным тоном сообщила, что она теперь всегда будет ночевать дома. И «если вам ничего не нужно», сейчас же уходит: ей надо выспаться, отъезд завтра в пять утра. На самом деле выезжали в шесть тридцать, но Таня, сама не зная почему, сказала «в пять».

— Идите, идите, — величественно кивала старуха.

Таня выскользнула за дверь, у подъезда перевела дух, вспомнила, что так и не написала Сашке, но решила не возвращаться. «Может, так даже лучше, — размышляла по дороге домой. — Ещё подумает, что я навязываюсь, а он, конечно, женат, правда, о жене почему-то не упоминает, только о дочери... Но жена — это само собой разумеется... И лучше, если не встретимся... Разочаровать его... Выгляжу ужасно... А если встретимся? Случайно... Татьяна говорит: «не бывает ничего случайного»... Надо было хоть волосы покрасить, даже Раисе Васильевне противно...»

Когда вошла в свою пустую, чутко насторожившуюся квартиру, о некрашенных волосах мгновенно забыла. В мозг била одна мысль: свекровь не пустит её в Тульскую область! Ни за что не пустит, что-нибудь придумает — перелом шейки бедра, инфаркт, что угодно! Уже что-то замыслила, не зря ведь со всем соглашалась и ничего не требовала! Это на неё не похоже! Таня выдернула из розетки телефонный шнур. Лихорадочно рылась в сумке, ища мобильник и представляя, как сейчас, вот сейчас, сию минуту он зазвонит и... Нашла, отключила. Зачем-то за-

перла дверь на оба замка. Вышла на балкон, долго смотрела вниз на соломенный луг. Коммунальщики скосили пожелтевшую траву, оставив несколько мальв — палевою, светло-розовую, пунцовую и бордовую, сверху казавшуюся совсем чёрной. Таня вспомнила, что много лет назад, утомившись сначала зелёным, а потом жёлтым однообразием открывавшегося с балкона вида, она попросила Татьяну Орлову сорвать на даче несколько сухих коробочек и в октябре рассыпала семена. И за хлопотами забыла. А они, оказывается, взошли, выросли. И кто-то из соседей заботится: ежегодно подвязывает к колышкам, в июльскую сушь, наверное, поливает. Мальвы удивлённо, снизу вверх взирали на Таню. Тополя под самым балконом тихо шевелили пыльными побуревшими листьями.

Она постепенно успокоилась, разыскала на антресолях механический будильник. Завела. Он тикал громко, с хрипением, а в половине шестого честно, как исполнительный старый служака, задрезжал. Таня, впрочем, всё равно всю ночь не спала, но, когда вышла из подъезда, почувствовала лёгкость и даже прилив сил, будто второе дыхание открылось.

Уже рассвело. Чуть ли не на каждой из машин, кольцом окруживших дом, сидел кот. Некоторые озабоченно вылизывались, а невылизывающиеся провожали Таню внимательным, оценивающим взглядом. У открытой двери мусоропровода громко ссорились дворники — широкоплечая, почти квадратная русская тётка и маленький худосочный таджик. Дворничиха настаивала, что он должен пойти к первому подъезду и что-то принести. Таджик возражал: «Зачем я туда пойду...» В каморке для мусоропровода стояли на низенькой лавочке самовар и кальян. С пурпурного бархатного кресла, приткнувшегося к замызанному мусоросборнику, свисала слегка оборванная золотая бахрома... Если бы не грубо выпирающее устройство для мусора и выходящая из него труба, всё было бы очень похоже на антикварный магазин. «Как они... обустроились!» — почти позавидовала Таня и, встретив недовольный взгляд дворничихи, поспешила отвернуться.

Она была уверена, что экскурсию в последний момент отменят — что-нибудь случится, например автобус не заведётся. Но он завёлся.

И только когда за окном на фоне позолоченной зелени промелькнула наискось перечёркнутая табличка «Московская область», Таня поверила, что уехала. С удовольствием подумала, что выключенный мобильник остался дома, и, легко вздохнув, уснула.

11

На щеке лежал тёплый солнечный луч. Автобус катил среди широких полей, кое-где на их прямоугольниках и квадратах проступали мягко округлые островки жёлтых с прозеленью берёзовых рощ. «Зелёное золото», — подумала Таня. Где-то она это читала, давно, в другой жизни. Уже во всём чувствовался юг, южное степное приволье, но не крымские засушливые солончаки и не каменистый, овражистый юго-восток России (когда-то, в другой жизни, Таня ездила в командировку в Волгоград), а ровная, спокойная и, должно быть, богатая, щедрая земля.

В притормозивший автобус вошёл дядька лет шестидесяти, представился экскурсоводом Никольским и объявил, что сейчас они увидят исток Дона. Город Новомосковск показался очень уютным, возможно, благодаря двухэтажным домам «сталинской» архитектуры с колоннами и лепниной, и Тане очень захотелось, чтобы Сашка жил именно здесь, а не в неведомом Ефремове.

Вместо истока Дона Никольский предъявил большой серый камень и скульптурную группу казацких коней. «Вода, — сказал, — под землёй». Таня поинтересовалась, работает ли химкомбинат. Оказалось, работает, правда, владельцы — иностранцы, но оборудован по последнему слову техники, всё компьютеризировано, да и сам город ещё в тридцатые годы был построен с учётом «розы ветров», так что экология превосходная. «И в окрестностях всё благополучно, — воодушевился Никольский, — здесь ведь московский каменноугольный бассейн, много маленьких шахтёрских городков, это же у нас Лунгин «Свадьбу» снимал, фильм видели? Ну и что, что шахты закрыли? Народ не растерялся, пооткрывали фабрички, где сумки изготавливают, где шляпы... живёт народ, вот увидите! Сейчас в Донской поедем!»

Перед Донским захали в музей прихватить двух молодых экскурсоводов. «Мои ученицы, — объяснил Никольский, — если вы не возражаете, места, кажется, много...» Учениц звали Вика и Маша. Вика — тёмненькая, в узких брючках до середины икры, Маша в мини-юбке — повыше и посветлей.

Бывший шахтёрский городок Донской начался с огромного, похожего на лес парка. А парк — с помойки, искусно замаскированной деревьями, о чём шедшая позади группы Таня и не догадалась бы, если б не услышала из-за кустов справа пронзительный крик: «И-у-и-у!» «Птица», — неуверенно сказала Маша и бросилась догонять Никольского. «Странная птица», — полувопросительно произнесла, обернувшись к Тане, Вика и замедлила шаг. Настоячивый крик повторился, потом ещё и ещё: «И-у-и-у! И-у-и-у!» — «Это не может быть птица», — сказала Таня про себя, безотчётно повернула к кустам бузины и пошла по узкой, заросшей лопухом тропинке. Впереди, осеняя открывшуюся взору свалку, высились «зонтики» гигантского борщевика. Таня опасливо поёжилась — говорят, очень ядовитый, не хватало ещё обжечься! — и тут увидела мнимую птицу. Со всех ног, вернее лап, к ней бежал белый котёнок. Увидев Таню, он перестал кричать и продолжал молча продираться через траву, как сквозь джунгли. На крошечной, кофейного цвета мордочке упрямо горели круглые голубые глаза. Таня подхватила крохотное существо. Котёнок явно принадлежал к породе «невская маскарадная» — длинная, с кремовым оттенком шерсть, а носик, уши и задранный хвостик — бежевые, цвета кофе с молоком. Такими же должны быть и лапы, но ни лап, ни брюшка видно не было: снизу, ровно до середины боков, котёнок был измазан мерзко пахнущей болотной тиной.

С котёнком в руках она выбралась на асфальтированную дорожку. Далеко впереди Никольский темпераментно размахивал руками. За ним лениво тянулась разморенная непривычной жарой группа, состоящая в основном из педагогов Митькиной школы. Таня ускорила шаг, котёнок завертелся, мяукнул, выскользнул из ладоней и плюхнулся на землю. «Что, сам пойдёшь?» — засомневалась Та-

ня. Зверёк её не слышал, отчаянным галопом он мчал за Николаем Петровичем, сильно прихрамывающим учителем географии. «Николай Петрович, осторожно!» — крикнула Таня и опоздала. Котёнок так торопился прильнуть к ногам человека, что угодил прямо под ортопедический ботинок, взвился в воздух, отлетел по меньшей мере на метр и плюхнулся на асфальт. Николай Петрович оглянулся и изумлённо развёл руками. Упорный зверь вскочил и, даже не отряхнувшись — некогда! — погалопировал за ближайшими ногами — на этот раз ими оказались тонкие в щиколотке, на высоких каблукках ноги Вики.

— Бойтся остаться один, — сказала Вика.

— Иди-ка сюда, дружок! — Таня подняла котёнка, и он тут же завертелся и запищал. — И что с ним делать?

— Знаете, — вдохновенно сказала Вика, — моя бабушка говорит: «Дай кошке себя спасти!»

— Вот и возьмите! В Москву тащить глупо.

— Если только при музее пристроить, но там уже есть три...

— Никольский нас убьёт! — вернула Маша. Занятая орудием котёнком, Таня не заметила, когда к ним подошла вторая ученица Никольского.

«Почему же «при музее», а не домой? — думала Таня, устраивая котёнка на плече. — Если не домой, то в кафе его отдать или хотя бы в продуктовую палатку... Знать бы Сашкин телефон...» Она была уже почти уверена, что Сашка живёт в Новомосковске, а бизнес его связан с продовольствием. Не шляпы же он производит!

Когда котёнок свалился и с плеча, они уже, к счастью, стояли не на асфальте, а на мягкой, влажной после ночного дождя земле подле полуразрушенной церкви. Никольский что-то рассказывал, но до Тани не доходило ни единого слова. «Если это кот — возьму!» — решила она. «А Раиса Васильна? «Астма, аллергия!» — передразнил чей-то очень знакомый ехидный голос. «А я теперь дома живу! — парировала Таня. — У себя дома!»

Котёнок оказался девочкой, но Таня уже поняла, что возьмёт зверёныша: «Он, то есть она сама меня выбрала!» Таня спустила кошечку на траву — пусть попасётся. Та немедленно

приткнулась к ближайшим ногам в босоножках на танкетке. Ноги принадлежали Оксане Григорьевне, учительнице биологии. Группа меж тем двинулась за Никольским дальше. Оксана Григорьевна вынула носовой платок и завернула в него кошку. Удивительно, но в платке котёнок чувствовал себя хорошо: не пищал и не пытался вырваться. Таня вспомнила, как новорождённый Митька в ужасе орал и барахтался, если его голого, без пелёнок, несли к ванночке, и устыдилась: «Как же я не догадалась! Оксана молодец, вот что значит биолог!» Пошли вчетвером — Таня, Маша, Вика и Оксана Григорьевна с кошкой в платке.

— В музей всё-таки нехорошо, — сказала Вика.

— Никольский нас убьёт, — повторила Маша. Оксана Григорьевна взглянула недоумённо:

— Вы о котёнке? Я его возьму.

— Это кошка, — сообщила Таня.

— Всё равно.

— Ура! — обрадовалась Вика и, обращаясь почему-то к Тане, спросила:

— А как вы его... её назовёте? Мы его нашли в... как это место называется?

«Кто из нас экскурсовод?» — подумала Таня, а вслух сказала:

— Донской, кажется...

— Донской... Донской... значит... — забормотала Вика.

— Значит, Доня. Доня из Донского, — удивляясь несообразности молодёжи, подсказала Таня. — Но это хозяйке решать...

— Мне нравится, — Оксана Григорьевна заглянула в узелок. — Доня по-украински значит дочка.

— Оксана Григорьевна, — попросила Таня, — года через два, когда у неё котята появятся, вы мне оставьте одного котика... Я к котам привыкла...

— А кота назовёте Дон! — воскликнула Маша.

Таня вспомнила, что в её жизни до сих пор были почему-то только коты. И у родителей в Симферополе, и в Стерегушем. Во двор к тётке Томе приходило кормиться пять или шесть котов. Все точно родные братья: полосатые, короткошерстные, поджарые, с оборванными в битвах ушами. И у всех были человеческие имена: Миша, Стёпа, Сёма...

Шли тенистым парком. Пушились, будто

ранней весной, светлые, нежно-салатовые иголочки лиственниц. Огромные листья вековых лип оставались тёмно-зелёными. Редко где просвечивала желтизна. Кудрявились чуть тронутые ржавчиной шевелюры дубов. Лето решило задержаться в старинном парке и медлило, медлило, никак не хотело уходить. В прудах отражалось небо. У берега отражённая синь переходила в бутылочную зелень, на ней лежали тени удилиц, а ближе к берегу — разноцветная опавшая листва. Рыбу ловили в основном мальчишки, и Таня с сожалением подумала, что Митька никогда не увлекался рыбной ловлей. А чем он увлекался? Кажется, только компьютером...

Во дворце графа Бобринского она вдруг сообразила, что внимательно слушает экскурсовода, но уже не Никольского, а местного — молодую женщину. Поискала глазами Оксану. Та стояла с картонной коробкой в руках. Встретившись взглядом с Таней, прошептала: «Девочки из киоска выручили, коробкой снабдили из-под книг, а Дonya вылизалась, смотрите, какая красавица...» Из картона высовывалась кофейная мордочка и голубые блюдечки глаз. «Они с Оксаной похожи! — удивилась Таня. — Глаза совершенно одинаковые! И масть такая же...» Действительно, русые волосы, клубящиеся вокруг Оксаниной головы, намного светлее загорелого лица... И такая же лобастенькая, круглолицая... Похожи, похожи!

«Значит, это её кошка, всё правильно», — думала Таня, но было грустно и чего-то жаль, не котёнка, конечно, которого она, сама того не желая, уступила Оксане Григорьевне. Бывает так: и печально, и светло, а почему — не знаешь. Так бывает, так и с ней бывало не раз, когда за деревьями вдруг блеснёт и скроется огонёк, и ещё раз мелькнёт, уходя во тьму, а скорый поезд летит в ночь, и не остановить его, не замедлить ход, не повернуть... И никогда уже не узнать, что там сверкнуло вдали, что исчезло для тебя навсегда...

Приехали в Епифань. Из земли пупом выпирала пустынная, залитая солнцем площадь и круто спускалась к Дону, к полуразвалившимся, осыпающимся, зарастающим водяными травами шлюзам.

— Так это те самые?! — вскричал кто-то из учи-

телей. — «Епифанские шлюзы» Платонова! Поразительно! А я-то думал, он всё это выдумал!

— Такое разве выдумаешь! — возразила библиотечкаряша. — А удивительно, что не переименовали в какой-нибудь Краснопередонск!

Никольский важно кивал. «Не отсюда ли вырос платоновский «Котлован»? — думала Таня, но высказать предположение постеснялась. Вспомнила: Татьяна Орлова, пока не ушла на пенсию, преподавала литературу. И Таня решила, что поговорит о «Епифанских шлюзах» с Орловыми.

Ехали дальше среди крупно нарезанных квадратов полей. Лимонно-жёлтая люцерна, ржавая кукуруза, изумрудная низкорослая травка (кто-то подсказал: «озимые»), и вдруг поле — красное, как свекла! «Это гречиха, — объяснял Никольский. — Когда цветёт, ещё красивее! В области её много выращивают. И вообще, с сельским хозяйством всё хорошо». Будто подтверждая, вдоль дорог на низеньких скамеечках, на табуретках, на газетах и просто на сухой земле лежали плоды — разнокалиберные тыквы, кабачки, огурцы, помидоры. На палисадах висели заплетённые в косицы белые, лиловые и обычные, золотистые луковичы. Яблоки и картошка вёдрами. В тазах с водой серебрились толстые пучеглазые рыбы. «Щедрая земля, — думала Таня, — так близко от Москвы, а будто совсем другой край... у нас-то одни коттеджи за глухими заборами, бурьян да мусорные мешки по обочинам... или здесь время другое?..»

На Куликовом Поле двумя рядами стояли памятники: от Белозерских, Костромских, Галицких, Псковских, Полоцких, Владимирских, Орловских, Курских, Брянских и прочих земель. Неожиданно для себя Таня пожалела, что нет здесь и быть не может памятного камня с её родины. Попыталась представить, как ходили в четырнадцатом веке по зубчатым стенам Солдайи-Судака генуэзцы, настороженно поглядывали в узкие бойницы, всматривались в прорезающиеся на горизонте паруса, но ничего не увидела, кроме татарника, неведомо как продравшегося меж древних крепостных камней. На какое-то мгновение её въяве ослепило блистающее под солнцем море. Потом ощутила тянущую, ноющую боль под левой

грудью и вдруг отчётливо поняла, что если в этом же году, в самое ближайшее время не поедет в Крым, то с ней, пожалуй, сделается что-нибудь скверное.

12

Раиса Васильевна встретила Таню в слезах. Боже мой, что случилось?! Таня впервые видела свекровь плачущей непритворно, настоящими, крупными, горошистыми слезами. Оказывается, поссорилась с Дилей.

— Она сказала, что я бездельница, что на мне пахать надо... — всхлипывала старуха, — и про Олежека, и про Митеньку гадости... Будто я эгоистов воспитала... А мы столько добра их семье сделали, Владимир Савельевич мужа её покойного всегда поддерживал, на всех учёных советах... Как люди неблагодарны... За что мне? Господи, за что?! Она считает, что мы испортили тебе жизнь... Я говорю: «Мы её из общежития взяли», а она: «Что, общежитие советского вуза, по-твоему, дом терпимости?» Это что такое?.. Сказала, будто мы тебя эксплати... экс-плуа-ти-руем... что я на тебя молиться должна... А я тебе — «милая моя», как горничной... Я не понимаю, при чём тут горничная? Таня, ты же знаешь, я рабочий человек... Я никогда...

Свекровь не притворялась! В этом не могло быть сомнения, и потрясённая Таня долго, искренне утешала её, а после «Танечка, деточка» уступила, осталась ночевать. На другой день у Раисы Васильевны поднялось давление, началась мигрень... Солнечный день бабьего лета в Тульской области стал казаться Тане нереальным, невозможным, пригрезившимся, никогда не бывшим... И напрочь забыв о твёрдом намерении ночевать дома, она снова осталась у свекрови и так закрутилась, что о Сашке вспомнила лишь в четверг. В «Одноклассниках» ещё с прошлой недели висело письмо. Сашка отвечал, что его бизнес — два продуктовых магазина и кафе. Правда, кафе пока не работает, он решил кое-что перестроить, затеял ремонт.

Она насколько могла подробно описала поездку на Поле Куликово, упомянула и о най-

денной кошке. Спросила: «А где в Тульской области ты живёшь? Не в Новомосковске ли? Мне там очень понравилось».

Ответ пришёл незамедлительно: «Здравствуй, Таня! Да, я живу в Новомосковске. Рад, что тебе понравилось в наших краях. Мы с женой часто ездим в район Куликова Поля, там есть Прощёный колодец на берегу Дона, заезжаем в Себино в храм святой Матроны. А в Татинки на Непрядву ездим ловить шук. У меня тоже есть кот, зовут — Перс». И это было последнее письмо от Александра Петрушкевича, потому что Таня не стала на него отвечать.

Через две недели приехали из Таиланда загоревшие, весёлые Митька и Настя. Привезли подарки: Тане — бусы из ракушек, а бабушке — длинный шёлковый халат и шляпу.

— Куда мне? — кокетничала Раиса Васильевна. — А уж шляпу-то... Я ведь не выхожу, ах, счастливая Дия, а она старше меня... Как всё несправедливо... — старуха безуспешно пыталась пустить слезу. — А шляпу вон ей, — кивнула на Таню и язвительно скривила губы: — Она у нас по экскурсиям ездит!

— Смотри, бабушка, — Митька свернул расписанную оранжевыми драконами шляпу, — её можно использовать как веер, ты же всегда задыхаешься, вот лежи и обмахивайся!

— В шляпе вы можете на лоджии сидеть, — сказала Настя. — Давайте мы вам поможем выйти, сегодня погода хорошая.

— Правда, ба, последние тёплые денёчки, мы тебя отведём...

— Нет, нет! Не сейчас! Мне плохо!

— Ладно, ба! Тогда мы пошли! Мам, пока!

Не успела захлопнуться дверь, как Раиса Васильевна нахлобучила шляпу и потребовала, чтобы Таня вела её на балкон. Таня метнулась к дверям, но тут же услышала хлопнувшую дверь лифта и бросилась к мобильнику: «Сейчас верну Митю!..»

— Не надо! Мне плохо! Потом!

— Когда «потом»? Раиса Васильевна, имейте же совесть, мне тяжело вас тащить!

— А по экскурсиям ездить не тяжело? Ты что себе думаешь, милая моя?! Да если бы не Владимир Савельевич... Не забывайся... Мы тебя из общежития взяли...

... В последний день октября Таня спешила

на работу, ощущая уже ставшую привычной тупую, ноющую боль в сердце, и столкнулась с Орловым. Вернее, они не столкнулись, а сцепились зонтами. Внушительных размеров чёрный орловский налетел на дохлый, в мелкий голубенький цветочек, с двумя давно сломанными спицами — Танин.

— Чего не звонишь? — зашумел Орлов. — Татьяна о тебе спрашивала... Ну что, а? Понравилось на Поле Куликовом? А вот скажи мне... М-м-м... Непрядва, она... Э-э-э... потому Непрядва, что тихая? Тэ-эк сказать, не прядает, как лошадь?

— Да-а! Правда! — Таня напрягла голос, чтобы перекрыть бивший в лицо ветер.

— О, слушай! Мне тут Оксана рассказала! Какую ты кошку нашла! Породистая! Они с мужем специально нас в гости приглашали... Э-э-э... Тэ-эк сказать, на смотрины...

— Да, это «невская маскарадная», сиамого скрестили с сибирской кошкой. Андрюша, а тебе не показалось, — Таня отвернулась от ветра, — что они похожи? Ну, я имею в виду — Оксана Григорьевна и кошка...

— Одно лицо! — почему-то зашептал Орлов, загораживая Таню от больно секущего дождя своим зонтом. — Одно лицо! Ты знаешь, Оксана всем объясняет, что Доня по-украински значит дочка. Она им и вправду как дочка... У

них же два сына, трое внуков, одни парни... Оксана замучилась со своими мужиками, от плиты не отходит... Наши училки сплетничали, будто она разводиться собралась... А тут... М-м-м... Знаешь, такое впечатление, что благодаря этой кошке у них с Виктором медовый месяц начался! Чудеса! Моя Татьяна уже ангажировала у них котёночка, года через два, всё твоего Тимофея забыть не может...

...Ночью Тане приснился сон. Надувалась парусом и неслышно взвивалась оконная занавеска, из чёрного окна летел в комнату белый тополиный пух, закручивался на полу в причудливые узоры, по ним как по ковру мягко ступал пушистый голубоглазый кот, и где-то далеко низким басом гудел колокол: «Дон-н! Дон-н! Дон-н!»

Октябрь 2013 г.

□

Елена ЯБЛОНСКАЯ

родилась в Ялте.

Окончила Московский институт тонкой химической технологии и Высшие литературные курсы Литературного института им. А.М. Горького.

Прозаик. Переводчик научной литературы.

Член Союза писателей России.

Лауреат Всероссийского конкурса

им. В.М. Шукшина «Светлые души» (2008 г.)

и дипломант Литературного конкурса им. Андрея Платонова (2012 г.).

Автор книг прозы «С родного на родной» (М.: Нонпарел, 2009),

«Неизбывное лето» (М.: ИПО «У Никитских ворот», 2010),

«Шёлковые крылья Индии» (СПб.: Алетейя, 2014),

«Город мой — Ялта» (2014).

Публикации во многих журналах и альманахах.

Живёт в г. Черноголовка Московской области.

В журнале «Север» публикуется впервые.

